

- Халқаро тадқиқотлар назарияси, методологияси ва амалиёти масалалари ■
- Issues of Theory, Methodology and Practice of International Studies ■

Н. Рахматуллаева

О французской школе центральноазиатских исследований

В западной ориенталистике существуют две крупные школы с историческими традициями, внесшие большой вклад в развитие центральноазиатского направления: это советско-русская и французская школа. Французская школа центральноазиатских исследований уступала советско-русской в силу таких объективных причин, как ограниченность доступа к местности, малая ресурсообеспеченность и узкий спектр предмета исследования. Только к 1980-м годам французские исследователи в сотрудничестве с советскими коллегами имели некоторую возможность непосредственно изучать регион. Часто французские исследователи были энтузиастами, располагавшими скудными ресурсами и не имеющими никакой помощи со стороны французских официальных властей. Для сравнения: советская археология в Средней Азии была государственным учреждением, в котором участвовали крупные коллективы, использующие богатое разнообразие методов и средств. Как отмечает французский археолог Ф.Грене, эти методы и средства могли быть весьма значительными. Например, в Хорезме советский археолог С.Толстов имел возможность использовать для фотосъемки военные самолеты, что позволило создать первую диахроническую карту древних ирригационных сетей, не имевшую аналога в масштабе страны [1]. В отличие от энциклопедического, междисциплинарного характера советско-русских исследований французские исследователи Центральной Азии имели возможность изучать регион лишь в географическом и археологическом аспектах.

Рахматуллаева Н., докторант (PhD) УМЭД.

На протяжении развития французского востоковедения объект научного исследования, обозначаемый термином «Центральная Азия», сильно отличался от того, что под ним представляется сегодня. Центральная Азия стала восприниматься как единое культурно-антропологическое, социальное и геополитическое пространство совсем недавно, так как ее становление в качестве географической реальности было очень медленным. И даже сегодня во французском обществе, когда речь идет о Центральной Азии, у многих возникают вопросы о размещении данного региона в конкретном географическом, политическом и культурно-лингвистическом контексте.

Во Франции термин «Центральная Азия» (*Asie centrale*) был введен в научный оборот в 1825 г. китаеведом Юлиусом Клапротом [2]. До этого на Западе пространство Центральной Азии обозначали термином «Татария» («Тартария»). Термин «Татария» использовался в XII-XIX вв. для обозначения обширного региона от Каспия до Тихого океана и от Сибири до Индии (рис. 1), который в современном европейском востоковедении называют Внутренней, или Центральной, Евразией. «Тартария» и «тартары» происходят от этнонима «татары», под которыми первое поколение востоковедов понимали все тюркские и монгольские народы, не слишком различая их по языковой и этнической принадлежности. Вплоть до XVIII в. сведения о них и их государствах оставались неполными и фрагментарными. Следует отметить, что история этих терминов негативно отразилась на самом способе восприятия этих народов в долгосрочной перспективе: в западноевропейском востоковедении укоренился вариант терминов «тартары» и «Тартария», интерпретируемые как «выходцы из Тартара (ада)» и «далёкие неизведанные земли, откуда Европе угрожали «дикие, несущие ужас» кочевые племена».

Французское востоковедение открыло для себя Центральную Азию как объект исследования благодаря развитию, в первую очередь, таких дисциплин, как **исламоведение**, **тюркология** и **синология**. На протяжении нескольких веков интерес Франции к исламу привел к интенсификации исламоведческих исследований, в том числе к изу-

На протяжении развития французского востоковедения объект научного исследования, обозначаемый термином «Центральная Азия», сильно отличался от того, что под ним представляется сегодня. Центральная Азия стала восприниматься как культурно-антропологическое, социальное и геополитическое пространство совсем недавно, так как ее становление в качестве географической реальности было очень медленным.

Рис. 1. Великая Тартария, 1708 г.

чению центральноазиатского ислама. Альянс Франции с Османской империей, продолжавшийся 270 лет, дал толчок развитию во Франции практической тюркологии, которая впоследствии сформировалась как самостоятельная научная дисциплина. Более того, благодаря содействию османских властей французские миссионеры, исследователи, дипломаты свободно путешествовали по всей Азии вплоть до Индии.

Миссионерские экспедиции в Китай обусловили стремительное развитие синологии, что привело к значительному расширению источни-

коведческой базы для французских исследователей. С учетом того, что в большинстве китайских источников содержались сведения о тюркских и центральноазиатских землях, происходило взаимообогащение тюркологии и синологии.

В условиях крестовых походов на Восток в XI-XIII вв. началось углубленное изучение ислама в целях его опровержения, были осуществлены переводы Корана на латинский

Французское востоковедение открыло для себя Центральную Азию как объект исследования благодаря развитию в первую очередь таких дисциплин, как исламоведение, тюркология и синология.

язык, также ряда хадисов и других исламских канонических источников (эти интерпретации затем долгое время доминировали в восприятии ислама в Европе). В своей борьбе с исламом европейские монархи пытались найти союзника в лице империи монголов. В Центральную Азию были посланы несколько посольств, в том числе в 1249 г. во главе с Андре де Лонжюмо и в 1252 г. во главе с Гильомом де Рубруком. Отчеты Г.Рубрука об этих посольствах содержали множество географических сведений, а его вклад в средневековую географическую литературу сопоставим с вкладом Марко Поло. В целом эти и другие источники того времени составили основу средневековых представлений европейцев о Центральноазиатском регионе.

Изучение и коллекционирование мусульманских источников продолжилось и позже. В 1697 г. в Париже выходит в свет «Восточная библиотека» Бартеlemi Д'Эрбело де Моленвиля, которая представляет собой словарь, посвященный всему Востоку и составленный на базе восточных источников. Количество статей о Центральной Азии занимает в этом сочинении значительное место, что свидетельствует о том, что французам была известна центральная роль региона в мусульманской классической культуре. В 1787-1790 гг. на французском языке был издан объемный труд «Полный обзор Османской империи» Мураджи Д'Оссона. Он рассматривает Османскую империю как продолжение ранее существовавших тюркских государств, уделяет внимание Центральной Азии как части исламской цивилизации. Его труд отличается качественно новым подходом к истории тюркских народов региона. С этого времени изучение Центральной Азии происходит во все более тесной взаимосвязи с тюркологией [3].

Французская синология также внесла огромный вклад в изучение Центральноазиатского региона. У истоков возникновения синологии в XVII-XVIII вв. стояли такие видные исследователи с их трудами, как Ж. де Гинь («Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных тартар в древности и до настоящего времени», 1756-1758 гг.), Ф.Жербийон («Великая Тартария», 1779 г.), К.Висделу («История Тартарии», 1779 г.) и др. К XIX в. Франция прочно закрепляет за собой статус первой синологической державы Европы.

В XIX-XX вв. изучение истории Центральной Азии в рамках синологии связано с именами Э.Шаванна и его ученика П.Пельо, которые,

**Французское
центральноазиетоведение,
богатое своим
востоковедческим прошлым,
смогло быстро развиться в
1990-2000-х годах благодаря
активным изменениям в
соответствующих странах,
вызвавших интерес у
молодого поколения
исследователей.**

Эта эволюция знаменует собой выход Центральной Азии из своего приграничного статуса в западном востоковедении (ориенталистике) и ее «нормализации», что позволяет уже говорить об отдельно формирующейся региональной отрасли как центральноазиеведение (наряду с тюркологией, синологией, монголоведением и т.д.).

с одной стороны, внесли огромный вклад в дальнейшее развитие центральноазиатских исследований, но вместе с тем способствовали усилению китаецентризма в центральноазиатских исследованиях во Франции. В результате на протяжении XX в. регион Центральной Азии представлялся и изучался исключительно с точки зрения его взаимоотношений с Китаем.

Ситуация начала меняться к концу XX в. Благодаря критическому анализу

накопившихся к тому времени знаний выяснилось, что при исследовании Центральноазиатского региона применялся исключительно один подход – взгляд извне. С учетом произошедших изменений как в самом центральноазиеведении (открытие вновь согдийского и бактрианского языков), так и в политической карте региона (отныне открытый непосредственный доступ к региону) исследователи заговорили о необходимости освобождения центральноазиатских исследований от многочисленных влияний.

Французское центральноазиеведение, богатое своим востоковедческим прошлым, смогло быстро развиваться в 1990-2000-х годах благодаря активным изменениям в соответствующих странах, вызвавших интерес у молодого поколения исследователей. Этот динамизм был поддержан учреждением в 1993 г. Французского института центральноазиатских исследований (IFEAC), который служил школой для французских исследователей-докторантов и придал центральноазиатским исследованиям международную значимость.

Структурированные вокруг нескольких ключевых французских институтов, таких как Национальный центр научных исследований (CNRS), Коллеж де Франс (Collège de France), Практическая школа высших исследований (EPHE), Высшая школа социальных наук (EHESS), Национальный институт восточных языков и культур (INALCO), Университеты Париж I, Париж III, Париж VII и Париж X, археологические миссии в Центральную Азию, IFEAC и французские исследовательские институты в соседних регионах (в Москве, Тегеране и Кабуле), они насчитывают приблизительно 70 специалистов [4].

Если в 1990-х годах такие специализированные учреждения, как INALCO и EHESS, были главными центрами подготовки специалистов – исследователей региона, то в 2000-х годах с увеличением

числа университетов и институтов, готовящих специалистов по региону, они потеряли эту почти полную монополию. Будущие специалисты по региону отныне проходят подготовку в рамках широкого спектра дисциплин (история, социология, антропология, экономика, политические науки и т.д.), не ограничиваясь только курсами в пределах географии или археологии. Эта эволюция знаменует собой выход Центральной Азии из своего приграничного статуса в западном востоковедении (ориенталистике) и ее «нормализации», что позволяет уже говорить об отдельно формирующейся региональной отрасли как центральноазиоведение (наряду с тюркологией, синологией, монголоведением и т.д.).

Во французском центральноазиоведении Центральная Азия (иногда называемая Центральной Евразия) ныне уже понимается в широком смысле и включает в себя Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, а также Афганистан и Синьцзян (рис. 2).

В течение последних трех десятилетий центральноазиатские исследователи обзавелись необходимыми инструментами для обеспечения дальнейшего развития. Во Франции стало возможным пройти полный университетский курс в области центральноазиатских исследований вплоть до написания диссертации и прохождения постдокторской стажировки. Диссертационные исследования в области социально-гуманитарных наук свидетельствуют о появлении вновь ярко выраженного интереса к этому «новому» культурно-антропологическому региону.

Рис. 2. Центральная Азия, 2010 г.

кому, социальному и геополитическому пространству, при этом исследовательские тематики постоянно меняются с учетом актуальности проблем. В 1990-х годах вопросы идентичности, государственности и повторное открытие «традиций» были самыми значимыми тематиками исследований, за которыми в 2000-х годах последовали тематики, направленные на социальные реалии (миграция, трансформация городской и сельской структуры, исследования экономического сектора). Работы, связанные с исламом, как и прежде, остались значительными. Однако исторические исследования, особенно по царскому и советскому периоду, являются малочисленными по сравнению с их значимостью в англо-саксонском мире или японских исследованиях.

Диверсифицированные исследования усиливаются также наличием нескольких журналов (например, *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*), библиографических изданий (*Abstracta iranica*), фондов (в том числе богатой коллекции Университетской библиотеки языков и культур (BULAC)) и коллекций при престижных издательствах.

Вместе с тем французская школа центральноазиатских исследований в своем развитии сталкивается с рядом проблем и препятствий. Она пока не обладает единой структурой, которая позволила бы охватить регион Центральной Азии в его географической, хронологической и дисциплинарной совокупности. За исключением нескольких коллективов, исследователи разбросаны по отдельным учреждениям, специализирующимся не на самой Центральной Азии, а на регионах по периметру Центральной Азии. Обеспеченность работой подготовленных специалистов все еще крайне низка, что вынуждает многих французских исследователей Центральной Азии продолжать свою деятельность за рубежом (в основном в США). Также, по мнению специалистов, французское центральноазиетоведение находится в невыгодном положении из-за своей недостаточной интегрированности в международные сети, особенно из-за отсутствия публикаций на английском языке, что делает его по большей части недоступным иностранным исследователям.

И все же, несмотря на имеющиеся проблемы, центральноазиатские исследования во Франции в настоящее время пользуются значительным спросом в политическом, социальном и экономическом плане, а молодое поколение исследователей проявляет интерес и мотивацию к углубленному изучению Центральноазиатского региона.

Литература

---

1. Грене Ф. В центре внимания – Центральная Азия: Вступительная лекция, прочитанная 7 ноября 2013 года. – Paris: Collège de France, 2016. – <http://books.openedition.org/cdf/4101>://[HYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»](http://books.openedition.org/cdf/4101)books[HYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»](http://books.openedition.org/cdf/4101).[HYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»](http://books.openedition.org/cdf/4101)openedition[HYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»](http://books.openedition.org/cdf/4101)org[HYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»](http://books.openedition.org/cdf/4101)/[HYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»](http://books.openedition.org/cdf/4101)cdf[HYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»](http://books.openedition.org/cdf/4101)/[HYPERLINK «http://books.openedition.org/cdf/4101»](http://books.openedition.org/cdf/4101)
2. Там же.
3. *Лаумулин М.* История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). – Астана: КИСИ, 2015. – с.37.
4. *Gorshenina S.* Les études centrasiatiques. – Carnet RESAP-Livre blanc des recherches sur l'Asie et le Pacifique, 17 juillet 2012. – <http://resap.hypotheses.org/67>